

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

В работе проанализированы воззрения историков науки и других источников на личность Дмитрия Донского. Князь Дмитрий Донской в среде историков не пользовался непререкаемым авторитетом, хотя, по словам Карамзина, народ очень любил князя, «за его великодушие, любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие». И несмотря на то, что в его время были и болезни, и эпидемии, и поражения в битвах, народ и летописцы все равно восхваляют его, называют «орлом высокопарным», житие описывает его красивым, стройным князем. Существует много сказаний о его подвигах. Прославляется строгая жизнь Дмитрия, отвращение от забав, благочестие, незлобие, целомудрие до брака и после брака. Но мнения историков о великом князе заметно расходятся.

Н.И.Костомаров считал, что личность князя представляется «неясною». В нем содержатся очень противоречивые качества: то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямоты с коварством, что выражается во всей его истории». Например, ужасной по масштабу ошибкой Дмитрия считается разорение великого княжения Тахтомышем. Ведь Донской побоялся идти навстречу хану, поворотил назад и, покинув Москву на произвол судьбы, бежал в Переяславль, оттуда в Ростов, а оттуда в Кострому, - пишет Костомаров и тем продлил рабство отечества до времен своего правнука. Но также «...сделал, кажется, и другую ошибку: имел случай присоединить Рязань и Тверь к Москве, не воспользовался оным» (Карамзин).

Куликовская битва конечно же не считается очередной ошибкой, а совсем наоборот - возвышает Дмитрия. По мнению Соловьева, битва «сильно и надолго поразила воображение современников», но Костомаров описал ее с более интересной стороны. Он говорит, что в некой "Повести о Мамаевом побоище" рассказывается, будто «Дмитрий еще пред битвою надел свою княжескую "подволоку" (мантию) на своего любимца Михаила Бренка, сам же в одежде простого воина замешался в толпе, а впоследствии, когда Бренок в великокняжеской одежде был убит и битва кончилась, Дмитрий был найден лежащим в дубраве под срубленным деревом, покрытый его ветвями, едва дышащий, но без ран». Такое переряживание могло быть либо от небывалой храбрости человека, готового идти сражаться на правах обычного воина, либо из трусости, с целью подставить на место себя другого, во избежание опасности, грозившей великому князю, которого черное знамя и особая одежда издали отличали от других: естественно, врагам было всего желательнее убить его, чтобы лишить войско главного предводителя. В таком случае он просто хотел скрыться от битвы в лесу. «Судя по поведению Димитрия во время случившегося позже нашествия татар на Москву, можно было бы допустить вероятие» трусости, но в этой повести описывались очевидные нелепости, которые также не позволяют оценить великого князя однозначно.

Костомаров также считал Донского человеком слабоумным, сильно зависимым от чужого мнения (бояр). Например, «внезапность нашествия Тахтомыша произвела такое впечатление, что князья, воеводы и бояре совсем потеряли голову. Между ними началась рознь, взаимное недоверие» Возможно именно поэтому князь и пожелал как можно быстрее покинуть Москву.

С.М.Соловьев же думал, что Дмитрий действительно был замечательным князем, хорошим полководцем: «Богатое событиями княжение Дмитрия, протекшее с начала и до конца в упорной и важной борьбе, легко затмило бедные событиями княжения предшественников».

Также в пользу «неясности» князя говорит и тот факт, что Дмитрий Донской был причислен к лику святых только в 1988 г., в год тысячелетия принятия христианства на Руси,

т.е. практически через 600 лет после его смерти. Этот факт заставляет хорошо задуматься, почему же церковь так долго не хотела канонизировать Донского?

Историки не могли найти абсолютно точного ответа на этот вопрос. По словам Карамзина, самой главной причиной является тот факт, что ни один правивший до этого князь не позволил себе такого вмешательства в дела церковные, как Дмитрий Донской. В 1376 г., перед Куликовской битвой, великий князь представил для рукоположения в митрополиты давнего своего любимца архимандрита Михаила, известного под именем "Митяя". «Московскому князю не хотелось иметь в Москве иных первосвященников, кроме таких, каких само московское правительство будет представлять патриарху для посвящения». И хотя тогдашнее московское духовенство не терпело Митяя, Дмитрий все же отправил Митяя в Царград с надеждой на успех. Но Митяй утонул на пути, а один из его спутников Пимен, составив подложную грамоту от имени великого князя, был посвящен царградским патриархом, но по прибытии в Москву подвергся гневу Дмитрия и был сослан в Чухлому. Великий князь пригласил в Москву Киприана и признал его первосвященником, но во время набега Тохтамыша Киприан бежал из Кремля. После возвращения Дмитрия он был вызван из Твери. «Великий князь укорял митрополита за малодушное бегство в Тверь, к заклятому врагу Дмитрия. Киприан уехал в Киев, а Дмитрий позвал на русскую митрополию сосланного Пимена; но через несколько месяцев, опять невзлюбивши Пимена, отправил для посвящения в митрополиты епископа суздальского Дионисия и вместе с ним послал просьбу о низложении Пимена. Здесь и проявляется произвол великого московского князя в духовных делах. Он, как самовластный государь, считает себя вправе выбирать кандидатов в митрополиты, отправлять в заточение, возводить их на кафедру снова и опять подвергать опале».

Вторым, также важным фактом является и то, что все предки Дмитрия в конце жизни уходили в монастырь. Но все на нем и закончилось. «Он думал, что несколько дней или часов монашества перед кончиной не спасут души и что Государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье», – писал Н.М.Карамзин.

Таким образом, оценивая мнения и современников, и историков, и духовенства можно прийти к выводу, что «личность ... великого князя Дмитрия Донского является неясною». Если настолько сильно разнятся мнения историков, современников, то на это следует отыскать достаточные основания.